

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
------------------------------	---

Часть первая

Воспоминания Шарля де Голля

Начало Второй мировой войны. Договор Сталина с Германией	8
Отношения между союзниками. Малые страны	14
Перелом в войне. Балканы, Польша и Советы	30
Что будет с Европой? Переговоры со Сталиным в Москве	49
Ялтинская конференция. Дипломатическая победа Сталина	104
Окончание войны. Сталин отказывается идти на уступки . . .	112

Часть вторая

Воспоминания Уинстона Черчилля

Накануне войны. Пакт Молотова — Риббентропа	133
Война в России. Проблема второго фронта	152
Разговор со Сталиным	187
Разрыв русских с поляками. Правда о Катыни	212
Тегеран. Операция «Оверлорд»	217
Судороги Европы. Восстание в Варшаве	249
Европа под властью Советов	264
Ялта. Судьбы мира	276
Переговоры Аллена Даллеса с немцами	308
Угроза для свободного мира. «Железный занавес»	323

Часть третья

Франклин Рузвельт о войне и маршале Сталине

Встреча с Черчиллем. Разговор о России	354
Конференция в Касабланке. Причины отсутствия Сталина и де Голля	370
На пути в Тегеран. Можно ли доверять Сталину?	379
Тегеранская конференция. Первое впечатление о Сталине . . .	389
Операция «Оверлорд» и позиция Черчилля	397
«Мы сумели поладить со Сталиным»	414
«Челночные» полеты в Россию. Где соберется «Большая Тройка»?	421
Ялтинская конференция. Поддержка маршала Сталина	432
Из посланий президента США Ф. Рузвельта американскому народу	443

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя.

*Из Посланий Ф. Рузвельта к американскому народу
от 28 июля и 24 декабря 1943 года*

В дни национальной угрозы Сталин старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси.

Из «Военных мемуаров» Шарля де Голля

России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе её оказался жесткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямолинейный и даже грубый в своих высказываниях. Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, и особенно для больших людей и великих народов. Сталин также произвел на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий...

Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны.

*Из выступлений У. Черчилля
8 сентября 1942 года и 8 ноября 1945 года
в британском парламенте*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воспоминания Шарля де Голля (из «Военных мемуаров»)

Начало Второй мировой войны. Договор Сталина с Германией

Было ясно, что окончание Первой мировой войны не обеспечило мира. По мере того как Германия восстанавливала свои силы, она возвращалась к своим прежним притязаниям.

В то время как Россия была всецело занята своей внутриполитической ситуацией, Америка держалась в стороне от европейских дел, Англия попустительствовала Берлину, чтобы Париж нуждался в ее помощи, а вновь созданные государства Европы были еще слабы и разрозненны, Франции одной приходилось сдерживать Германию. Она действительно старалась это делать, но действовала непоследовательно. Вначале наше правительство под руководством Пуанкаре применяло по отношению к Германии политику принуждения, затем, по инициативе Бриана, делало попытки к примирению с ней и, наконец, стало искать спасения в Лиге Наций. Однако германская угроза становилась все более реальной.

В январе 1933 Гитлер стал полновластным хозяином Германии. С этого момента события неизбежно должны были развиваться в стремительном темпе. Гитлер не терял времени. Уже в октябре 1933 он порвал с Лигой Наций и произвольно предоставил себе полную свободу действий в области вооружений. В 1934—1935 Германия предприняла огромные усилия в области производства оружия и укомплектования своих вооруженных сил. Национал-социалистический режим открыто заявлял о своем намерении разорвать Версальский договор и завоевать «жизненное пространство» для великой Германии. Осуществление такой политики требовало мощной, ударной армии,

и Гитлер, разумеется, готовил всеобщую мобилизацию. Вскоре после прихода к власти он ввел трудовую повинность, а затем всеобщую воинскую повинность. Ему нужна была сильная армия вторжения, чтобы разрубить гордые узлы в Майнце, Вене, Праге, Варшаве и одним ударом вонзить германский меч в сердце Франции.

Адольф Гитлер выходит из самолета. 1935 год

Для людей осведомленных не было секретом, что фюрер намерен воспитать новую германскую армию в духе своих идей, он охотно прислушивался к мнению офицеров — сторонников стремительного маневра и высокого уровня подготовки войск, таких, как Кейтель, Рундштедт, Гудериан, группировавшихся ранее вокруг генерала фон Секта. Эти офицеры ориентировались на создание мощных бронетанковых частей, кроме того, было известно, что, разделяя взгляды Геринга, Гитлер стремился создать авиацию, которая могла бы тесно взаимодействовать с наземными войсками.

В ноябре 1934 стало известно, что Германия создает первые три танковые дивизии. В марте 1935 Геринг заявил, что вскоре Германия будет располагать сильным воздушным флотом, в состав которого, помимо большого количества истребителей, войдет также много бомбардировщиков и мощная штурмовая авиация. И хотя каждое из этих мероприятий являлось вопиющим нарушением Версальских договоров, свободный мир ограничился лишь «платоническими» протестами Лиги Наций.

1 мая 1937 на параде в Берлине впервые приняла участие полностью укомплектованная танковая дивизия и сотни самолетов. На зрителей — и в первую очередь на французского посла Франсуа-Понсэ и наших атташе — эта военная техника произвела впечатление такой мощной силы, которой может противостоять только равноценная сила. Но их донесения не заставили французское правительство пересмотреть ранее принятые решения.

11 марта 1938 Гитлер осуществил аншлюс Австрии. Он бросил на Вену механизированную дивизию, один вид которой склонил австрийцев к безоговорочному подчинению. Вместе с этой дивизией он к вечеру того же самого дня победоносно вступил в австрийскую столицу. Франция не сделала для себя никаких выводов из гитлеровского вторжения в нейтральную страну. Все старания были употреблены на то, чтобы утешить публику ироническими описаниями аварий, которые потерпели несколько немецких танков во время этого форсированного марша. Не было извлечено уроков также и из опыта Гражданской войны в Испании (1936—1939), где итальянские танки и немецкая штурмовая авиация, даже при очень ограниченном их количестве, решали исход боя всюду, где бы они ни появлялись.

Жители Австрии приветствуют подразделения вермахта. 1938 год

В сентябре 1938, с согласия Лондона, а затем и Парижа, Гитлер захватил Чехословакию. За три дня до соглашения в Мюнхене, выступая в берлинском Спортпаласе, рейхсканцлер поставил все точки над «i», вызвав бурю восторженного ликования и энтузиазма. «Теперь, — кричал он, — я могу открыто заявить о том, что всем вам уже известно. Мы создали такое вооружение, какого мир еще никогда не видел!» 15 марта 1939 он добился от президента Гаха полной капитуляции и в тот же день занял Прагу. Затем 1 сентября Гитлер выступил против Польши.

Эмиль Гаха —
президент Чехословакии
с 30 ноября 1938 года
по 14 марта 1939 года

Во всех актах этой трагедии Франция играла роль жертвы, ожидающей, когда наступит ее очередь. Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар СССР — вопросами оказания помощи Финляндии, бомбардировками Баку или высадкой войск в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией. Многие открыто восхищались Муссолини. Даже в правительстве кое-кто выступал за то, чтобы Франция добилась благосклонного отношения дуче, уступив ему Джибути и Чад и согласившись на создание франко-итальянского кондоминиума в Тунисе.

Когда в сентябре 1939 французское правительство, по примеру английского кабинета, решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я нисколько не сомневался, что в представлениях государственных мужей господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет. Являясь командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, я отнюдь не удивлялся полнейшему бездействию наших отмотобилизованных сил, в то время как Польша в течение двух недель была разгромлена бронетанковыми дивизиями и воздушными эскадрами немцев.

Вмешательство Советского Союза, несомненно, ускорило поражение поляков. Но в позиции, которую занял Сталин, неожиданно выступив заодно с Гитлером, отчетливо проявилось его убеждение, что Франция не сдвинется с места и у Германии, таким образом, руки будут свободными, и лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой.

В то время как силы противника почти полностью были заняты на Висле, мы, кроме нескольких демонстративных действий, ничего не предприняли, чтобы выйти на Рейн. Мы также ничего не предприняли, чтобы обезвредить Италию, чего можно было достичь, предложив ей выбор между угрозой французского военного вторжения и уступками в обмен на ее нейтралитет. Мы ничего не предприняли, наконец, для того, чтобы объединиться с Бельгией путем выдвижения наших сил к Льежу и каналу Альберта.

Вдобавок ко всему официальное военное руководство считало эту выжидательную политику весьма удачной стратегией. Выступая по радио и в печати, члены правительства и в первую очередь его глава, а также многие другие видные политические и военные деятели всячески подчеркивали преимущества стабильной обороны, благодаря которой, говорили они, нам удастся без потерь сохранять нашу территориальную целостность.

В один из январских дней, будучи в Париже, я встретился с Леоном Блюмом. «Каковы ваши прогнозы?» — обратился он ко мне. «Весь вопрос теперь в том, нанесут ли немцы весной удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве». — «Вы так думаете? — удивился Леон Блюм. — Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязнуть в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бессильны против линии Мажино!»

Андре Леон Блюм — премьер-министр Франции с 4 июня 1936 года по 22 июня 1937 года

Вскоре разразилась гроза. 10 мая противник, предварительно захватив Данию и почти всю Норвегию, начал большое наступление на запад. Повсюду наступление вели механизированные войска и авиация. Основные силы следовали за ними, но ни разу они не были введены в серьезные бои. Двумя группами, под командованием Гота и Клейста, десять бронетанковых и шесть моторизованных дивизий ринулись на запад. Семь из десяти бронетанковых дивизий, пройдя Арденны, через три дня вышли к реке Маас. 14 мая они форсировали ее в пунктах Динан, Живе, Монтерме и Седан. Их действия постоянно поддерживали и прикрывали четыре моторизованные дивизии и сопровождала штурмовая авиация. Немецкие бомбардировщики разрушали железнодорожные линии и стыки дорог в нашем тылу, парализуя тем самым наш транспорт. 18 мая, пройдя линию Мажино, прорвав наши боевые порядки и уничтожив одну из наших армий, эти семь бронетанковых дивизий сосредоточились вокруг Сен-Кантена, готовые в любую минуту двинуться на Париж или на Дюнкерк. Тем временем остальные три бронетанковые дивизии в сопровождении двух моторизованных дивизий, действуя в Голландии и в Брабанте, внесли разброд и смятение в ряды голландской, бельгийской, английской и двух французских армий общей численностью 800 тысяч человек. Можно сказать, что в течение недели исход сражений на Западном фронте был предрешен.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ. МАЛЫЕ СТРАНЫ

В 1941 в Европе война развернулась на огромном пространстве от Балтийского до Черного моря. Немецкое продвижение в России происходило чрезвычайно быстро. Однако каковы бы ни были первоначальные успехи гитлеровских армий, русское сопротивление усиливалось с каждым днем. Как в политическом, так и в стратегическом отношении это были события чрезвычайной важности.

Благодаря этим событиям Америка увидела, что ей представляется возможность для решительных действий. Конечно, нельзя было закрывать глаза на то, что в ближайшее же время Япония предпримет на Тихом океане диверсию огромных размеров, которая уменьшит масштабы и замедлит темп высту-

пленения Соединенных Штатов. Однако теперь можно было не сомневаться в выступлении американцев в Европе и Африке. И это обуславливалось тем, что большая часть германских вооруженных сил участвовала в гигантской аванюре на далеких просторах России, что англичане, с другой стороны, при содействии свободных французских вооруженных сил смогли обеспечить для себя на Ближнем Востоке прочные позиции и, наконец, тем, что оборот, который принимала война, должен был пробудить у поработанных народов светлые надежды, а следовательно, и укрепить их боевой дух.

Теперь мне предстояло по мере возможности действовать на Вашингтон и Москву, способствовать развитию французского Сопротивления, поднять наши силы во всем мире и руководить ими.

Соединенные Штаты вносят в великие дела элементарные чувства и сложную политику. Так это проявилось в 1941 в их позиции по отношению к Франции. В то время как в глубинах американского общественного мнения предприятие генерала де Голля вызывало восторженные отклики, вся официальная Америка считала своим долгом относиться к нему с холодком или с безразличием.

Франклин Делано Рузвельт — президент США с 4 марта 1933 года по 12 апреля 1945 года

К тому же и личное отношение Рузвельта осложняло дело. Хотя я еще не имел случая встретиться с Франклином Рузвельтом, я мог по многим признакам догадаться, что он относится ко мне весьма сдержанно. Тем не менее я хотел сделать все от меня зависящее, чтобы Соединенные Штаты, которые готовились вступить в войну, и Франция, которая, по моему утверждению, никогда войны не прекращала, не пошли бы разными путями.

Что касается формы отношений, которую нужно было установить и о которой с жаром спорили дипломаты, политики и публицисты, то я должен сказать, что в данный момент она почти не имела для меня никакого значения. Реальный характер и содержание наших отношений представляли для меня неизмеримо большее значение, чем все чередующиеся формулы, в которые вашингтонские юристы облакали факт «признания». Однако в связи с огромными американскими ресурсами и склонностью Рузвельта распоряжаться и диктовать свою волю во всем мире я чувствовал, что наша независимость явно находится в опасности. Короче говоря, если бы мне понадобилось предпринять попытку договориться с Вашингтоном, все это надо было учитывать, но вести переговоры следовало на равной основе.

Трофейная японская фотография, снятая во время атаки Перл-Харбора, 7 декабря 1941 года

Нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря ввергло Америку в войну. Можно было предположить, что отныне она будет считать «Свободную Францию», которая сражалась с общим врагом, своим союзником. Однако ничего подобного не произошло. Прежде чем Вашингтон в конце концов решился на это, пришлось пережить немало тяжелых превратностей. Так, например, 13 декабря американское правительство реквизировало в своих портах пароход «Норманди» и тринадцать других французских судов, не потрудившись ни договориться с нами, ни даже уведомить нас об их использовании и вооружении. Несколько недель спустя «Норманди» загорелась при трагических обстоятельствах. В течение декабря обсуждался и был подписан двадцатью семью государствами акт Объединенных Наций, но нас среди них не было.

Впрочем, какова бы ни была юридическая позиция Вашингтона, какие бы чувства они к нам ни питали, вступление Соединенных Штатов в войну вынуждало их сотрудничать со «Свободной Францией». Прежде всего это пришлось сделать на Тихом океане, где в связи с молниеносным продвижением японцев наши владения в Новой Каледонии, а также Маркизские острова, острова Туамоту, острова Общества и даже Таити со дня на день могли сыграть существенную роль в стратегических замыслах союзников. Некоторые из этих островов уже были использованы в качестве авиационных и военно-морских баз. Кроме того, союзников очень интересовал каледонский никель, имеющих огромное значение для производства вооружения.

* * *

В то время как шаг за шагом и не без труда мы добивались дипломатического сближения между Вашингтоном и «Свободной Францией», с Москвой нам удалось завязать союзнические отношения сразу. Тот факт, что Россия оказалась втянутой в войну, открывал перед разгромленной Францией новые большие надежды.

Было ясно, что, если рейху не удастся сразу же уничтожить армию Советов, эта армия будет непрерывно наносить немцам тяжелые потери. Разумеется, я не сомневался в том, что если Советы внесут основной вклад в достижение победы над врагом, то в результате в мире возникнут новые опасности. Нуж-

но было постоянно иметь это в виду, даже сражаясь с русскими бок о бок. Но я считал, что прежде чем философствовать, нужно завоевать право на жизнь, то есть победить, а участие России создавало возможности для победы. К тому же ее присутствие в лагере союзников означало с точки зрения Сражающейся Франции некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством.

О начале военных действий между русскими и немцами я узнал 23 июня 1941 в Дамаске, куда я прибыл вслед за вступлением наших войск в город. Решение было принято мною без промедления. Уже 24 июня я телеграфировал нашему представительству в Лондоне следующие инструкции: «Не вдаваясь в настоящее время в дискуссии по поводу пороков и даже преступлений советского режима, мы должны, как и Черчилль, заявить, что, поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними. Не русские подавляют Францию, не они оккупируют Париж, Реймс, Бордо, Страсбург... Немецкие самолеты и танки, немецкие солдаты, которых уничтожают и будут уничтожать русские, впредь уже не смогут помешать нам освободить Францию».

В таком духе я и предлагал вести нашу пропаганду. Одновременно я рекомендовал нашей делегации посетить советского посла в Лондоне Майского и заявить ему от моего имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии. В связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой».

Переговоры привели к обмену 26 сентября письмами между мною и Майским. Посол СССР сделал заявление от имени своего правительства, что оно «признает меня в качестве главы всех свободных французов, (...) что оно готово установить связь с Советом обороны Французской империи по всем вопросам, касающимся сотрудничества с присоединившимися ко мне заморскими территориями, что оно готово оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе, (...) что оно исполнено решимости обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции...»

Немного спустя правительство СССР аккредитовало Богомолова своим представителем при Национальном комитете. Он сумел легко приспособиться к новым условиям, в которых

ему предстояло выполнять свои обязанности. С этого времени я часто встречался с Богомоловым. В той мере, в какой во всех деталях предписанное ему поведение позволяло сохранять человеческие чувства, он проявлял их во всех своих делах и высказываниях. Непреклонный, настороженный, весь собранный, когда он передавал или принимал официальные сообщения, этот человек большой культуры оказывался в иной обстановке приветливым и непринужденным. Говоря о делах и людях, он не чужд был юмора и даже улыбки. Знакомство с ним убедило меня, что хотя советская система облакала своих слуг в железный панцирь без единого отверстия, под этим панцирем все же скрывался живой человек.

Со своей стороны для связи по военным вопросам мы направили в Москву генерала Пети. Советское правительство сразу же проявило к нему свою благосклонность и уважение. Его приглашали на совещания в штабах, организовали поездку на фронт, и он был принят Сталиным. Все это заставляло меня думать, что эта предупредительность преследовала не только профессиональные цели. Во всяком случае, известия, приходившие из различных источников, создавали впечатление, что русские армии, понесшие урон в первых сражениях с наступавшими немцами, постепенно вновь обретали свою силу, что весь народ целиком поднимался на борьбу и что в эти дни национальной угрозы Сталин старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси.

* * *

На стенах наших кабинетов висели карты, по которым мы следили за грандиозной битвой и наблюдали за развитием гигантских наступательных операций немцев. Три армейских группировки под командованием фон Лееба, фон Бока и фон Рундштедта за четыре месяца проникли в глубь России, захватили сотни тысяч пленных и богатую добычу. Но в декабре на подступах к Москве благодаря решительным действиям Жукова, которым благоприятствовала суровая и ранняя зима, захватчики были остановлены, а затем и отброшены. Ленинград не пал. Севастополь еще держался. Становилось очевидным, что Гитлеру не удалось навязать немецкому командованию единственную стратегию, которая только и могла принести решительный успех, а именно — сосредоточение сил и всей техники в на-